

18+

Волшебство
МЕЖДУ СТРОК

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Ася Райт

Волшебство между строк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56559618

ISBN 9785005113443

Аннотация

В этот сборник вошли рассказы победителей писательского марафона «Волшебство между строк». Всего четыре жанра – фэнтези, фантастика, мистика, магический реализм – и целая вселенная удивительных историй. Здесь монстры из детских сказок встречаются с монстрами, которые живут внутри нас, а в небе гордо реют драконы. Здесь живет волшебство! И в каждой строчке, и между строк.

Содержание

Вместо предисловия	5
ЧАСТЬ 1	7
ЗА ФОНАРЕМ	7
ОСКОЛКИ ПАМЯТИ	13
ТАБЛЕТКА ОТ КАШЛЯ	18
ПОСЫЛКА	24
ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ	26
ПОСЛЕДНЯЯ СВИТА	31
СДЕЛКА	34
ОКЕАН	39
СУДНЫЙ ДЕНЬ	42
СМАРТФОНЫ НЕ ПЛАЧУТ	46
ПАМЯТЬ	51
ПАРЛАМЕНТЕРЫ	55
КТО ЗНАЕТ О БУРЕ	58
ОСББ «ИДУЩИЕ НА СМЕРТЬ»	62
СЛУЧАЙНЫЙ ПРОХОЖИЙ	64
УЧЕНИК ГРОБОВЩИКА	69
ЧАСТЬ 2	73
ТЕБЕ НЕ УБИТЬ ДРАКОНА	73
ШИКАРНЫЙ ОБЕД	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Волшебство между строк

Редактор Ася Райт

Редактор Ольга Городецкая

Редактор Екатерина Бордон

Фотограф Беленко Дина

© Беленко Дина, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-1344-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

В каждой истории есть крупица волшебства. Оно рождается в тот самый момент, когда в голове у автора вспыхивает идея. И превращается в подлинную магию, когда читатель погружается в книгу с головой. На страницах книг оживают драконы, принцессы, герои... Здесь рождаются целые вселенные! И воплощаются в жизнь наши сокровенные мечты: и большие, и маленькие.

Сборник рассказов, который вы держите в руках, появился на свет благодаря писательскому марафону «Волшебство между строк». Он прошел в социальной сети Instagram и объединил более 200 авторов! В течение двух недель они писали истории в четырех жанрах: фэнтези, фантастика, мистика, магический реализм. Заданий также было четыре:

- Идущие на смерть приветствуют тебя
- На вкус как драконья подмышка
- Они тоже умеют любить
- Монстры внутри и снаружи

Результатом этого марафона стало более 800 удивительных историй, которые можно найти и прочитать по хештегу #волшебствомеждустрок. Выбрать из них победителей было очень сложно (уф!), и все-таки лучших из лучших мы собрали в этот сборник. Он получился очень многогранным и совершенно волшебным – от первой до последней буквы!

Я от души благодарю всех участников марафона и, конечно, его кураторов: Игоря @livanskiy_tv, Юлю @inlove_with_theboss, Олю @seeyouinmexico, Яну @yanawood_writer и Юлю @writer_kreis. Вы точно волшебники, а иначе откуда у вас взялись время и силы на прочтение 800 историй? Отдельная благодарность Асе @asya.rait и Оле @seeyouinmexico за бережную редактору и безжалостный геноцид в отношении грамматических ошибок. Без них эта книга стала гораздо лучше.

Спасибо всем вам!

*С любовью и искренним восхищением, организатор марафона
«Волшебство между строк» Катя @yes_im_writer*

ЧАСТЬ 1

Идущие на смерть приветствуют тебя

ЗА ФОНАРЕМ

Я работаю по ночам. Ночью не так жарко, да и спокойнее. Который год я приезжаю в это место. Раньше мы каждое лето бывали здесь с родителями. Теперь они предпочитают морские круизы на лайнерах, похожих на плавучие города. А я еду сюда. Не знаю, что манит меня сильнее: зелёные поля и рощи, старое кладбище или, может, Лили.

Копать могилы – необычная работа, но кто-то ведь должен ее делать. Почему не я? Это тяжело, и за это почти не платят. Но я люблю тяжелый физический труд. А деньги? Здесь они не так важны. Говорят, у меня неплохо получается, по крайней мере, мои клиенты никогда не жаловались. Хотя постойте, они же мертвы. Мертвым плевать, в какой яме их закопают. Это важно живым.

Днем я сплю или рисую. Нужно говорить «пишу», так солиднее, но я пока не уверен, что делаю именно это. Рисую я неплохо. Если смогу выдержать экзамены в школу живописи осенью – стану говорить «пишу». Так будет честно.

А пока я работаю по ночам. Местные косятся. Они боятся кладбища. Им невдомек, что в городе, где я живу, ночью на улицах гораздо опаснее, чем на самом старом и зловещем кладбище в мире. Так что я не боюсь. И Лили тоже не боится, храбрая девочка. Она говорит:

– Живые страдают от живых. Мертвые уже не страдают, а значит, и не обидят.

Она много забавного говорит, когда в настроении. Это сразу понятно, будет она говорить или нет. Обычно она приходит и садится за фонарем. Если я вижу, что она нынче не в духе, я к ней не пристаю. Скажу только:

– Привет, Лили, – и копаю как ни в чем не бывало. Она и не ответит, может. Иногда поглядываю на неё. Красивая.

Потом обычно спрошу:

– Не замёрзла?

Она, конечно, не замёрзла, никогда не мёрзнет, хотя на ней только белое платье, совсем легкое. Мне нравится смотреть, как свет фонаря проходит через тонкую ткань. Будто запутался в складках да там и остался. Кажется, она знает, что мне нравится это платье.

Когда все готово, я складываю инструмент и говорю:

– Проводить тебя?

Она качает головой. Может быть, не хочет, чтобы нас видели вместе. Или просто любит идти ночью одна через кладбище. Ей в другую сторону. Тогда я киваю:

– Пока!

Она отвечает:

– Пока, – и уходит, а я смотрю ей вслед.

...

Сегодня тот день, когда она не в настроении. Точнее, та ночь.

– Опять отец? – спрашиваю. Наверняка он.

– Да, – отвечает.

– Когда уже он оставит тебя в покое?

– Наверное, никогда...

Я знаю ее отца. Когда мы с ней только познакомились – давно, ещё детьми, – у нас случилось что-то вроде первой любви. Ничего серьёзного, конечно, просто лето, солнце и двое людей на самом краю, за которым детство превращается в юность. Мы даже не целовались. Но ее отец был уверен, что я – избалованный городской мальчишка из богатой семьи – хочу погубить его девочку. Он так и говорил: погубить. Подстерегал нас повсюду и с руганью уводил Лили домой, а меня грозился прибить, если я что-то замышляю.

Тогда-то мы с ней и полюбили кладбище. Туда ее отец не совался даже и днём. Мы бродили среди могил, разглядывали полустертые надписи на почерневших от времени камнях, фантазировали о том, какими были эти люди, как они жили и как умерли.

Иногда бегали, кричали, устраивали представления. Лили увлекалась историей, и мы были то первооткрывателями, то римскими легионерами или гладиаторами на арене. Ареной

нам служил полуразрушенный склеп.

– Идущие на смерть приветствуют тебя! – вопила Лили, появляясь из-за выступа осыпавшейся стены, и мы разражались неудержимым хохотом, представляя, как обитатели склепа встают на зов.

Нам было хорошо. И теперь тоже хорошо, хоть и не так, как тогда.

– Ты поступишь в свою школу этой осенью? – вдруг спрашивает Лили.

– Надеюсь.

– А чему там учат?

– Ну... живописи, – я не знаю, как ей объяснить.

– Но ты ведь и так хорошо рисуешь.

– Это другое. А почему ты спрашиваешь?

– Я просто подумала, если ты поступишь, наверное, больше не приедешь.

– Как знать. Я бы хотел приезжать всегда.

– Я тоже хочу, чтобы ты всегда...

Кажется, она расстроилась. По Лили не поймешь. Я вижу, что она хочет ещё что-то сказать, но спрашивать бесполезно. На прощание она берет меня за руку; прикосновение легкое, как дуновение ветра. Я пытаюсь поймать ее пальцы, но она уже убрала руку. Уходит, не оглядываясь. Я тоже спешу домой, уже светает, а с утра нужно встретить родителей на станции. Странно, что они вдруг решили приехать.

...

Знал ли я, что Лили умерла? Конечно. Это случилось несколько лет назад, а узнал я, когда впервые приехал один, уже взрослый.

Каждый житель деревни считал своим долгом рассказать мне во всех подробностях, что произошло. Не знаю, были ли их рассказы правдой хотя бы на треть. Говорили, ее отец совершенно спятил: решил, что она хочет сбежать в город с каким-то мужчиной, может, даже со мной. Никак не мог забыть нашу с ней дружбу. Наверное, он не хотел ее убивать, просто слишком сильно толкнул, а она упала и ударилась головой. Он сам вызвал полицию, а после наложил на себя руки. Вот и все.

Я нашёл ее могилу. Подумал ещё, кто же за ней ухаживает. Местные ведь боятся кладбища. В тот же день пошёл узнавать, не нужна ли помощь. Работать решил ночью: не так жарко. Да и спокойнее. А потом она пришла и села за фонарем.

– Привет, – сказала, – давно не виделись.

...

Ночью на кладбище тихо. Странное ощущение: все как обычно, но и по-другому. Днём я наблюдал, как очередное тело опустили в вырытую мной могилу. Мое тело. Все произошло мгновенно. Наверное, я заснул за рулем по пути на станцию. Боли не было.

– Я хотела тебя предупредить, – Лили подходит тихо. В темноте ее почти не видно. Сегодня без фонаря.

– Ты знала?

– Знала. Мы иногда знаем, когда тем, кого любили, грозит беда.

– Что же не сказала?

– Подумала, так ты всегда будешь здесь. Со мной.

Она берет меня за руку и крепко сжимает мои пальцы.

Анастасия Шиллер, @horoshunka

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ

«Скела Вонави, – механический голос в ухе заставляет меня подпрыгнуть, – ваш запрос обработан. Доступ в хранилище открыт».

Наконец-то! Целых 72 секунды и 326 миллисекунд. Так можно и уснуть в ожидании. Не БанкИнфо, а улитка какая-то. Были раньше такие существа на Земле. Очень медленные. Отец мне о них рассказывал. А потом его забрали.

Из нашей семьи вообще многих забирают, можно сказать, через одного. Дед уверен, что это из-за нашей генетической памяти. Почти сто столетий прошло, сменилось двенадцать планет, а вот – поди ж ты! – мы, Вонави, помним ещё о Земле. Причём каждый помнит что-то своё, особенное.

Кстати, «поди ж ты» – это тоже оттуда, с Земли. Междометие, выражающее недоумение. У нас тут, правда, никто давным-давно не удивляется. С эмоциями туго. Они у нас на вес альтаирского магнаргенлита. То бишь бесценны. Вот ещё и «то бишь». Раньше мне лучше удавалось следить за своими мыслями и речью.

Всё началось с экзамена по РГТМ-анализу. Хорошо помню две минуты до него. Я вызвал телепорт и вставил себе в ухо динамик с конспектом. И тут мама обняла меня и сказала: «Прекрати, Скела, перед смертью не надышишься». Я не понял, при чём здесь смерть, но на всякий случай объяс-

нил маме, что менять агрегатное состояние ещё не намерен. Она дотронулась до моего уха, и динамик перестал бубнить свои формулы. Мама всегда всех обнимает перед выходом из дома, а дед всегда стоит в проходе и салютует. Пережитки прошлого, ей-богу.

Зачем я сейчас об этом думаю и трачу время? 51 секунда и 514 миллисекунд пролетели как миг. Здесь слишком жарко.

Я шагаю в окно доступа, медленно пощёлкивающее датчиками. Ощупывает меня, гадёныш. Но кроме этой штуковины, из-за которой я, собственно, здесь нахожусь, у меня ничего и нет. «Хошь трожь, хошь не трожь», – проносится у меня в голове. Я торопливо моргаю и плотно сжимаю губы, чтоб не вырвалось.

Эту штуку я нашёл в часах. Точнее, в том, что когда-то давным-давно называлось часами. Теперь это семейная реликвия: круглый предмет с двенадцатью числами и тремя стрелками, издаёт тихие ритмичные звуки, если слегка подзарядить его взглядом. Я нисколько не удивлён, что нашим предкам удалось сгубить родину. С таким-то представлением о времени.

Так вот, «мышка бежала, хвостиком махнула, часы упали и разбились», – слышу я писк. Оглядываюсь. Никого. Я сам это сказал? Кто или что такое мышка? Что происходит? Ещё никогда архаизмы не приходили ко мне подряд, всего лишь в течение нескольких секунд. Аномалия какая-то.

В общем, штука выпала из часов: металлическое нечто размером с два ногтя. Я видел подобное на картинке в «Истории технологий». Похоже на древний носитель информации. И вот я в БанкИнфо для того, чтобы понять, как в наше время можно эту штуку открыть.

«Вонави, Скела? – раздаётся шелестящий голос. – Вы подтверждаете, что ваш интерес – это наш интерес?» – «Да, директор! – громко отвечаю я, отчаянно желая больше никогда не слышать этот бумажный голос. – Я готовлюсь к экзамену по истеху, разбираюсь с устройством древних считывателей». – «Хорошо, студент Вонави! ...идуший на сме...» – «Простите, я не расслышал». – «Хорошо, студент Вонави, – голос становится громче, и окно, наконец, исчезает. «...приветствует тебя», – слышу шёпот в ушах. Аномалия. Что тут ещё скажешь.

Холод в хранилище клубится сизым дымом. Вот опять: откуда я знаю слово «сизый»?

Я иду вдоль стеллажей, пытаюсь на ощупь найти нужную мне информацию. Вдруг отец говорит: «Алекс, ты помнишь, что Нина девочка? Ты проследишь, чтоб не перепутали?» – «Конечно, помню, – раздражённо отвечаю я. – Со мной же получилось, как мы хотели». – «Я рад, сынок».

Я вынырываю в реальность. Это не воспоминание. Бегу по проходам, выискивая отца.

Его забрали перед моей операцией. Он всегда называл нас с Анин задом наперёд. И с самого начала, ещё раньше мамы,

знал, кто из нас кто: я всегда был мальчиком, Анин – девочкой. Это очень важно.

Отца, конечно, здесь нет. Несмотря на дубак, мой лоб покрыт испариной. «Дубак – это холод», – тут же вспыхивает в моей голове. Я дотрагиваюсь языком до вещицы за щекой. Скорей бы всё узнать и уйти отсюда. Не люблю находиться в системе.

И тут мои пальцы обнаруживают книгу. Она открывается на нужной странице, и я понимаю, что только что видел это устройство для считывания в нише экспериментальных приборов. Я несусь туда, выплёвываю эту штуку на ладонь, обтираю и вставляю в разъём. Маленький экран моргает, рябит, а потом на нём появляюсь я. Я? Вокруг меня всё зелёное, и я знаю, что это деревья. Так назывались некоторые растения на Земле. Я на экране шевелю губами, хмурюсь, активно жестикулирую, но я в хранилище ничего не слышу и силюсь понять по губам.

«Студент Вонави! Время допуска истекло», – холодный воздух отступает. «Вы помните, что ваш интерес – это наш интерес?» – «Да, Директор». – «Завтра состоится комиссия для определения гендера вашего близнеца Анин Вонави. Ваша семья изъявила желание на особь женского пола. Знаете ли вы, что сейчас нам больше нужны мужчины?» – «Да, знаю». – «Вы готовы с нами сотрудничать?» – «Да», – отвечаю я и понимаю, что этим словом я отдаю им память. Я знал, что сделаю всё, чтобы Анин стала женщиной, как мы

все привыкли. Жаль, что не обнял её перед выходом из дома.

Шефер Алина, @alischa_lifestory

ТАБЛЕТКА ОТ КАШЛЯ

Огромный плакат над входом гласил: «Идущие на смерть приветствуют тебя».

«Остроумненко», – подумал Уолтер.

Свинцовое небо нависало над огромным стадионом, сотрясаясь беззвучными молниями. Уолтер слышал на трибунах тысячи людей, пока фигуры в серых плащах подталкивали его вперед. Он жадно осматривался в попытках понять, куда попал. Подход к беговым дорожкам заполняли люди в белых плащах, таких же, который был на нём. Воздух пронзил выстрел стартового пистолета. Около десятка фигур в белых плащах сорвались с места. Каждый бегун следовал по своей дорожке и в своем темпе. Кто-то продолжал бежать так же легко и быстро, как на старте, а кто-то замедлялся, будто к его ногам с каждым шагом привязывали по гире. Вдруг Уолтер обратил внимание, что часть стадиона слева покрыта своего рода туманом, и когда все бегуны скрылись в нём, на старт запустили ещё партию фигур. Так повторялось много раз. Раздавался выстрел, они бежали и пропадали в тумане.

Расспросить о происходящем Уолтеру так и не удалось. Его тюремщики молчали, а в ответ на его вопросы лишь грубо подталкивали вперед. Уолтер пребывал в замешательстве. Единственным проблеском радости для него стало то, что

доставучий кашель, терзавший его последний месяц, наконец прошёл. Когда их троица подошла вплотную к толпе, Уолтер услышал трескучий голос одного из серых плащей:

– Ни с кем не говорить. Не оборачиваться. Делать то, что скажут.

Уолтер молча кивнул. При всём разнообразии мыслей, кипевших в нём, спрашивать ни о чем не хотелось. Уолтер чувствовал, как сзади подходят другие, но не смел обернуться. Запрет не мешал ему пытаться заглянуть под капюшоны рядом стоящих, но когда и это ему не удалось, он стал рассматривать трибуны. Публика была весьма разношёрстной. Все что-то скандировали, о чём-то переговаривались, создавая гул, похожий на белый шум. Уолтер встал на цыпочки и поверх белых капюшонов смог увидеть главную трибуну, на которой сидела одинокая фигурка в чёрном плаще и что-то записывала после каждого забега. Уолтер вздохнул: подходила его очередь. Теперь ему было видно, что еще один стражник в сером распределял бегунов по дорожкам. Прозвучал выстрел, и вскоре фигуры скрылись в тумане. Уолтер вышел к стражнику и услышал приглушенный капюшоном голос:

– На третью.

Он нашёл глазами номер три и занял стартовую позицию. Хотя ему ничего не объясняли, в нём откуда-то было чёткое понимание, что он должен пробежать эту дистанцию, и тогда его отпустят. Он глубоко вздохнул и приготовился к старту. Раздался выстрел, и Уолтер побежал.

Он чувствовал себя легко и непринужденно. Всё, кроме дорожки, исчезло, и перед мысленным взором Уолтера стала вспыхивать череда образов из прошлого. Сначала отец и мать. Совсем молодые. Он маленький сидит у матери на руках. Они втроём счастливы.

Затем Уолтер увидел рождение Джона, своего младшего брата. Родители заняты, а он очень зол. Вдруг Уолтеру почувствовал тяжесть в ногах.

А вот здесь ему почти десять, а брату пять. Уолтер злится, думая, что родители любят Джона больше, поэтому он прячет любимые игрушки брата в подвале. Бежать стало ещё тяжелее. В боку закололо.

Вот Уолтеру семнадцать, он перекусывает тормозной трос у велосипеда брата, и на прогулке тот вылетает в овраг и с переломом руки попадает в больницу. Родители злятся, а Уолтер уезжает из дома. Ноги будто стали наливаться свинцом. Разболелась спина. В груди появилась давящая боль. Уолтер уже почти не видел дорожки перед собой.

#

Всё закрыла очередная сцена. Ему двадцать один, он гуляет и веселится напропалую, его сосед по квартире откладывает деньги на учёбу, но в один из дней недосчитывается крупной суммы. В это время Уолтер с похмельем просыпается в другом городе в дорогом отеле. Вдруг правую ногу свела судорога, но Уолтер продолжил забег. Ему нельзя было останавливаться.

Картины вспыхивали одна за другой, и почти после каждой Уолтер думал, что уже не сможет сделать ни шагу. Особенно когда возникла последняя картинка.

Он в офисе архитектурного бюро. Боб Бронски, который в прошлом месяце стал отцом двойни, через день должен представлять свой проект начальству, и это принесет ему долгожданное повышение. Проект Боба лучше, Уолтер знает об этом, потому что из-за проклятого гриппа он не смог доработать просчеты в своем. И это несправедливо. У Боба и так есть всё. Уолтер стирает из системы финальный вариант проекта своего коллеги, а флешку прячет. Тяжесть в ногах становится почти невыносимой. Кашель возвращается. Горло невыносимо дерет. Сейчас он свалится, и следующие бегуны затопчут его. Он почти достиг линии тумана.

Внезапно в голове возникает еще одна картинка. Ему двадцать два. Он на стадионе, еле живой лежит на траве. Лёгкие горят огнём. Он слышит строгий голос где-то над собой.

– Чем занята твоя голова?

– Мыслями.

– А зачем?

– Не знаю. Потому что для них она и нужна?

– Ты бегаешь головой?

Уолтер улыбнулся:

– Нет.

– Тогда освободи ее, парень, – сказал тренер Гэпарт, склонившись над Уолтером. – Мысли – тяжелый груз во время

бега.

– Но у меня много проблем. Я... Я просто не знаю, что с ними делать.

Гэpard усмехнулся.

– В любой непонятной ситуации – беги.

Уолтер открыл глаза и, сделав глубокий вздох, перестал думать о чём-либо. Он побежал.

И внезапно он представил, как говорит своим родителям, что любит их. Как отдаёт Джону все спрятанные игрушки. Как приходит к брату в больницу и извиняется. Как возвращает соседу деньги...

Он вбежал в туман с лёгким сердцем и на несколько секунд забыл, как дышать. Тьма поглотила его.

Внезапно наступившую тишину прорезало резкое: «пик». Потом снова: «пик».

Уолтер открыл глаза.

– Мистер Эдон? Вы живы?! – в ужасе воскликнула молоденькая интерн и, выхватив фонарик, стала рассматривать глаза Уолтера.

– Где... я? – с трудом проговорил Уолтер. Трубка в горле очень мешала.

Девушка бросилась к кнопке вызова и стала неистово на неё жать, не переставая глазеть на Уолтера.

– Вы в больнице.

– Что случилось? – промямлил Уолтер.

Девушка рассматривала пациента.

– Вы... Вы сильно кашляли и подавились таблеткой... от кашля... – сказала девушка. На ее щеках проступил румянец. #

Уолтер посмотрел на белый потолок. «Остроумненько».

Врачи, забежавшие в палату, стали прощупывать и простукивать Уолтера. Трубку, мешавшую говорить, убрали, и когда они наконец всё закончили, отошли в сторонку по-совещаться. Вдруг Уолтер резко схватил руку девушки-интерна.

– Какое сегодня число?

– Пятнадцатое, – прошептала она.

– А время?

– 8:15 утра.

– Почти час до презентации, – сказал Уолтер сам себе и посмотрел на девушку. – Пожалуйста, помогите мне. Я должен кое-что успеть. Это вопрос жизни и смерти.

Одинокая фигурка в чёрном плаще сидела на трибуне, которую впервые за вечность осветило солнце, и сокрушалась:

– Неслыханно, в конце концов! Пустить бывшего бегуна соревноваться за жизнь в беге!

– Да, надзиратель, – виновато опустив голову, ответил стражник в сером.

– Приведи ко мне распределителя Фазински, – велел надзиратель. – Не чистилище, а проходной двор какой-то!

ПОСЫЛКА

От неожиданного звука Петрович подскочил на месте: «Это ж стационарный звонит. Ну, слава богу, починили».

«Приветствую, – сухой, с нотками металла мужской голос отчетливо прозвучал в трубке. – Это пункт распределения идущих на смерть?»

«Ну, можно и так назвать, – хохотнул Петрович, – а чё хотели?»

«Василий просил носки через бабу Катю передать, а то никак не отогреется», – ответил голос.

«Обязательно, обязательно всё будет сделано!» – уже всю смеялся Петрович.

Затем, повесив трубку, повернулся к труп, накрытому простыней, и спросил: «Не, ну ты видела, чего интерны придумали, вот ведь не лень!»

«Ты, что ли, у нас „Баба Катя?“ – посмотрел бирку на пальце покойной. – И откуда информацию только достают?! Хотя, знаешь, как мы по молодости шутили, чего только не выделывали. Вот однажды подложили ливер...» – и Петрович углубился в рассказ о днях минувших.

Он вообще любил поболтать.

А в морге слушатель благодарный.

Хотя Петрович дал себе зарок сразу уйти с этой работёнки, если кто-то из «собеседников» ему ответит.

За тридцать лет прецедентов не было.

Заполнив документы на пару «жмуриков», как ласково называл покойных Петрович, засобирался домой.

Через маленькое окошко подвала была слышна метель.

«Да, не удивительно, что народ мрет, вот только с утра бомжа обмороженного передал в похоронку», – сообщил Петрович публике, покрепче застегивая пальто.

Случайно его взгляд упал на перебитый кабель телефона, который уже с месяц обещали починить.

В поднятой для верности трубке, разумеется, была тишина.

На следующее утро Петрович написал заявление по собственному желанию.

Предварительно положив в вещи покойной Екатерины Викторовны пару шерстяных носков.

Рубахина Ольга, @Vertolelik

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кир поднимался по ступенькам. В тишине гулко раздавались его медленные шаги по холодному мрамору, как удары метронома. Вдруг его равномерный стук прервала частая дробь быстрых шагов. Ему навстречу бодро спускался Олег. Киру даже показалось, что тот насвистывает мелодию.

Олег остановился и протянул Киру свою огромную ручищу:

– Здорово, ты чё такой невеселый?

Кир пожал лапищу коллеги и попытался улыбнуться:

– Идущие на смерть приветствуют тебя!

Здоровяк покачал головой:

– Опять твой вызывает?

Кир кивнул. Олег продолжал:

– Слушай, как часто ты к нему ходишь на донацию?

– Каждые две недели...

– Что?! – глаза Олега расширились от удивления. Он зашипел:

– Кир, это же незаконно! Ты как донор можешь ходить к нему только раз в два месяца. Он же эксплуатирует тебя! Я и смотрю, схуднул ты.

– Да, на восемь килограмм, – грустно подтвердил собеседник.

– Жалуйся!

– Кому, Олежа? Ты же знаешь, что просто вышвырнут вон, уволят. У нас в отделе обеспечения всегда найдут, за что, и не видать мне инициации.

Олег изменился в лице:

– Так ты из-за неё, инициации проклятой, кормишь упыря этого? Зачем тебе, Кир? Ты же нормальный мужик! Хочешь, как эти вурдалаки, жить вечно? И что делать будешь? Кровь сосать у населения?

Кир вспыхнул:

– От**бись, Олег. Ты не поймешь: у меня семья, сын.

– Кир, а ты прикинь, у меня тоже семья! Трое девок, понимаешь? И они все есть хотят, шмотки красивые, учиться в универе. Я и пошёл сюда, чтоб дать им это. Но не упырем же становиться.

Худой мужчина тихо ответил:

– Олег, говорю же, не поймешь. У тебя никто не умирает. Мне пора.

Кир продолжил подниматься.

Кир трижды постучал в дверь позолоченной головой льва и, не дожидаясь ответа, просунулся в щель:

– Дэнис Энлильевич, вызывали?

На низком диване восседал, даже, скорее, возлежал крупный человек в шелковом одеянии. На низком столике стоял серебряный поднос с большой кружкой чая и круассанами, посыпанными сахарной пудрой.

– Смирнов, ну где ты ходишь? Чай твой уже остыл!

Кир прошмыгнул и сел на низкую банкетку. Он принялся без аппетита жевать круассан, запивая приторно-сладким чаем.

– Как видишь, у нас уже всё готово, – сказал Дэнис Энлильевич и кивнул головой на ширму.

Кир поёжился: знал, что его там ждёт. Прикончив круассан, он наконец произнес:

– Я готов.

Начальник оживился и нажал на незаметную кнопку в подлокотнике дивана:

– Милочка, зайдите. Смирнов закончил.

Двери отворилась, и в комнату вплыла высокая стройная секретарша. Поверх делового костюма Мила накинула белый халат, красивое лицо наполовину закрывала медицинская маска.

– Пойдемте, – девушка дружелюбно кивнула Киру. Он неохотно встал и поплёлся за ней.

Вот как обычно мужчина снял пиджак и повесил на стул, закатал рукав рубашки. Мила щёлкнула резиновыми перчатками. Запахло спиртом. Кир почувствовал, как тошнота подкатывает к горлу. Девушка наложила жгут, и Кир заработал кулаком. Затем секретарша-медсестричка протерла локтевой сгиб, но застыла и чуть слышно произнесла:

– Ох, Кир, куда же колоть?

Следы от иголок плохо заживали. Мужчина зажмурился

и сжал зубы, почувствовав, как игла входит в вену. Десять минут – и всё кончится. Мила уже расслабила жгут, значит, кровь течет по трубке в пакет.

Кира мутило. Сладкий круассан стоял в горле. «Терпи, терпи», – мысленно повторял он.

Бодрый голос Милы вернул его из полузабытья:

– Дэнис Энлильевич, вы сейчас будете или убрать в холодильник?

Босс довольно причмокнул:

– Сейчас, Милочка, сейчас.

Мила быстро наложила повязку Киру. Пока тот застегивал рубашку и надевал пиджак, расторопная Мила достала пивную кружку и аккуратно перелила свежую кровь.

Кир вышел из-за ширмы и направился к столику, за которым восседал босс.

Мила принесла поднос с кружкой, наполненной бордовым напитком, и поставила перед Дэнисом Энлильевичем.

Тот взглянул на кружку и облизнулся, потом недовольно уставился на Кира:

– Ну что ты расселся, Смирнов? Иди, всё потом!

– Но Дэнис Энлильевич, я хотел обсудить инициацию.

– Смирнов, – крупный мужчина недовольно закатил глаза, – ну куда ты торопишься? У тебя впереди целая вечность. Иди, запишись у Милы на приём, потом поговорим.

Кир нехотя встал и направился к двери. Дойдя до позолоченных львов, он обернулся и увидел, как босс жадно пьёт

бордовую жижу из стакана. Глаза его закатились. Кир понял, что его сейчас стошнит? и резко рванул дверь на себя.

Пока его выворачивало в туалете, Кир думал. Нет, не такую жизнь он хотел бы своему сыну. Но выбирать не приходилось.

Tata Сулова, @tata_writer

ПОСЛЕДНЯЯ СВИТА

Умирая, короли отправляются в Янтарную Долину, где сияют золотыми крышами дворцы, пиры идут круглый год, а на охоте можно добыть хоть черногривого льва, хоть шестирогого оленя. Помимо самих правителей попасть туда могут лишь те, кого они пожелали взять с собой в смерть: охранники, наложницы, советники да слуги, проглоченные погребальным костром своего государя.

Чем дольше и ярче пылает пламя, тем заметнее для жителей Янтарной Долины окажется прибытие нового правителя. А чем богаче его посмертный багаж и многочисленней свита, тем более высокое положение он там займёт. Потому государи всегда старались устроить себе как можно более пышные похороны, ни на что не скупясь и никого не жалея.

Король Ингвар взял с собой бесчисленные сокровища и сотню сильнейших воинов, чтоб было кому их охранять. Его погребальный костёр горел три дня и три ночи, испепеляя позолоченные колесницы, драгоценные мечи, племенных скакунов и мускулистые тела, закованные в броню.

Сын Ингвара, Эдвин, когда пришел его черед умирать, забрал в Янтарную Долину бесчисленные сокровища и сотню прекраснейших женщин. Его погребальный костёр тоже горел три дня и три ночи, обращая в золу изысканные украшения, драгоценные камни, мебель из лунного дерева и изящ-

ные тела, закутанные в шелка.

Арад, сын Эдвина, взойдя на престол, узнал, что казна их страны пуста, что народ бедствует и всюду царит беззаконие. Все свои силы бросил он на искоренение всякого лиходейства. Стал безжалостно преследовать ловких воров и дерзких разбойников, коварных убийц и хитрых мошенников. Не ведал к ним Арад пощады, никто из них не смог от него укрыться.

Правил он долго и мудро, народом своим обожаемый. Когда же пришла его очередь в Янтарную Долину отойти, объявил Арад, что не станет брать он с собой ни сокровищ бесчисленных, ни воинов храбрых, ни красавиц томных, дабы страну свою не разорять более. Вместо них взял он сотню тряпичных кукол в человеческий рост – мол, прислуживать ему в новом дворце и они смогут, а большего и не нужно.

Сгорел его погребальный костер за три часа, ведь почти нечему там было в пепел обращаться. И рыдал безутешный народ, что ради них Арад нищим войдёт в Янтарную Долину, посмешищем станет для других правителей, в роскоши там купающихся. И провозгласили его Величайшим и Славнейшим, благороднейшим и Справедливейшим, лучшим королём, что когда-либо жил на свете.

Лишь единицы знали, что под скромными одежками слуганок и садовников, поваров и плотников скрывались веревки и крючья, наборы отмычек и отравленные кинжалы. А в груди каждой из кукол находилось по запечатанному со-

суду, содержащему человеческую душу.

Были среди них души людей, способных любой замок вскрыть. И через любую стену перелезть. И в любую щель протиснуться. И любую бумагу подделать. И птицу в полете ошипать. Многие годы Арад собирал их, лучших из лучших преступников: самых ловких, самых дерзких, самых коварных и самых хитрых.

Ведь раз сокровищам других правителей нужна охрана, значит, их можно украсть.

Стадник Оксана, @taparix13

СДЕЛКА

– Ты дрожишь, – Макин освободил сына от своих объятий. Горячий ветер обжигал кожу и губы.

Фуад, почти юноша, еле сдерживал слёзы. Молчал с рождения.

– Я вернусь. Иди домой.

Он подтолкнул мальчика в сторону дома. Фуад шёл медленно, крепко сжимал кулаки: на что-то злился.

Макин обмотал концы куфии вокруг головы, чтобы осталась лишь тонкая полоска для единственно целого глаза, взял посох и тронулся в сторону пустынной арены. Последнее соревнование. Если дух не соврал, как Макин только что соврал сыну.

Чем ближе он подходил к арене, тем больше людей встречал. Кто-то бросал в него горсть песка и трусливо отворачивался. Другие злобно плевали в его сторону с возгласом «Зло». Лишь некоторые улыбались, проводили большим пальцем поперёк горла и проговаривали нараспев его имя «Маааа-кин». Он привык.

Арена – обитель духов, каменное плато круглой формы, – уходила за горизонт. Камень раскалялся на солнце так, что подошва босых ног мгновенно покрывалась пузырями. Это было самое безобидное из того, что могло там случиться.

Караваны со всех концов света съезжались посмотреть,

как люди бьются друг с другом, теряя жизни. Духи питались павшими воинами. Победители получали славу и деньги. Как Макин – славу бессердечного убийцы.

Только он ступил на арену, как сразу почувствовал присутствие духа, в голове звучал голос, вкрадчивый, неприятный, будто кто-то вылизывал шершавым языком его уши:

– Ну что, Макин, ты готов к последнему бою? У меня для тебя сюрприз.

– Расстанусь с тобой без сожаления, Нар-Гадиб.

Вокруг неопытные воины бились с ядовитыми змеями и с изголодавшимися псами. Ликующие толпы окружали их и делали свои ставки. Чем ближе к центру, тем больше жестокости, битвы тех, кто заключил с духами сделку, кто благодаря этому был наделён невероятными способностями. Как Макин.

– Вот и мой сюрприз – твоя соперница!

Макин увидел женщину со смуглой, слегка сверкающей кожей, с узкими и жёлтыми глазами. На удивление, оружия у неё не было, одежда была совсем непригодной для пустыни – полупрозрачный шёлк.

«Убить женщину? Тем и лучше. Расправлюсь с ней и освобожусь».

– Приветствую тебя, пища духов, я Макин, выжгу твоё сердце огнём.

Толпа вокруг восторженно завопила. Женщина засмеялась. Все заворожено замолчали.

– Приветствую тебя, пища духов, я Римала – песок, и заставлю тебя жрать его, пока ты не задохнёшься.

Толпа в ожидании смотрела на Макина.

«Вот уж точно сюрприз. Что мой огонь против песка?» – он был растерян и всё же крикнул в ответ:

– Приступим!

Он размотал куфию, освободив обожжённое лицо. Почувствовал хруст песка на зубах. Римала бросилась на него, её одежда рассыпалась на песчинки, они больно жалили кожу. Макин раскрутил посох, отбивая им песчинки. Римала сама рассыпалась прямо перед ним, чтобы обогнуть посох, но он не растерялся, набросил на неё куфию и удержал часть песка. Свободные песчинки передвигались по его коже, оставляя глубокие царапины. Ткань куфии трещала.

«Надо что-то делать, – пульсировало в голове. – Вспомни отца!»

Детство. Его отец – стекольщик. Плавит песок с содой и известью, чтобы получить стекло. «Содовое озеро!»

Макин закрутил куфию с песком покрепче и ринулся в другой конец арены к содовому озеру, с бирюзовой водой и соляными отложениями. Быстрее! Охваченная азартом толпа следовала за ним. Песчинки сыпались, ранили кожу, они собрались в пальцы без ладони и вцепились в его ноги; он закричал от боли и упал. Ноша его ударилась о камень, рассыпав ещё больше песка. К счастью, куфия не порвалась. Ноги горели от боли.

– Нар-Гадиб, – закричал он, и посох его загорелся. Он разбил посохом уже собравшиеся из песка руки, одновременно прижёт кровоточащие раны и поднялся. До озера недалеко. Бежал из последних сил. Перед самым озером развязал куфию, с силой сбросив Рималу на соляной берег. Песчинки сразу собрались вместе. Он услышал её смех. Но пламя из посоха охватило её, смех превратился в визг. Люди не выдерживали, падали на землю, прикрывая уши, кого-то тошнило, кто-то терял сознание.

Визг резко прервался, осталась лишь лужа плавленного стекла, а сверху – её обугленное сердце.

Макин терял свои силы.

– Макин, – услышал он в голове, – знаешь, почему твой сын немой? Он был свидетелем моей сделки с твоей женой, не должен был сказать правду, если бы вспомнил.

Макин лишь знал: часть сделки – его жизнь, за что дух всегда будет защищать Фуада.

– Тогда, после пожара, ты умирал. Её жизнь взамен твоей силы огня. Пока не вырастет сын. Это часть правды. Тебе не надо было убивать, чтобы поддерживать силу. Я соврал. Ты мог бы быть другим примером для сына. Как считаешь, он согласится обладать такой же силой?

– Сделка может быть заключена только устно, он не станет таким, как я.

– Завтра к нему вернётся речь. Посмотрим. Кто не захочет отомстить за отца?

Ворднев Сергей, @serjius.story

ОКЕАН

Ветер ворвался на веранду и принес с собой запах Океана. Я захлопнула окно, отрезав ему доступ на мою территорию.

Здравый смысл подсказал, что это бессмысленно, – территория никогда не была моей. Но мама говорила, что выражать эмоции полезно.

Дом принадлежал ему, хоть он здесь никогда не был. Он оставил следы соли на цветочных обоях, которые я не решаюсь переклеить. Он забрался в простыни, пока они сушились в саду.

Я выбью дух Океана из этого дома, если сожгу его. Здравый смысл подсказывает, что это бессмысленно: мне некуда бежать. Мама не успела ничего сказать по этому поводу. Он забрал ее.

Он опять не в духе. Злится, шумит, бьется, бросает вызов. Среди нас не осталось безумцев, готовых ответить. Мы видели слишком много костяных обломков на берегу.

Хватит о нем, много чести врагу. Уйти бы от окна, поставить чайник, хоть на секунду отвлечься. Ноги не слушаются. Он не пускает, любит, когда я смотрю.

Я замечаю яркое пятно среди волн. Безумцы все же нашлись. Их двое, ловят гневные волны и рассекают на досках – будто это игра.

Я отворачиваюсь, не хочу видеть, как он выигрывает. Он от-

пускает меня – он показал, что хотел. Новых жертв.

Я убегаю в дом, ставлю чайник, пытаюсь забыть. Те двое на острове недавно, раз решились. Он иногда пропускает сюда, а вот обратно – обратно уже нет.

Нет, я не поведусь. Наверняка их видел кто-то еще, кто-нибудь предупредит их, вернет обратно на берег.

Кого я обманываю. Все местные давно спрятались с головой под одеялом.

Не понимаю, кого я презираю больше, его или себя, – но натягиваю кеды и бегу на пляж. Волны сбивают с ног, забираются в кеды, тянут к нему. Я кричу, но он громче. Машу руками, как сумасшедшая, привлекаю их внимание.

Они ложатся на свои доски и гребут к берегу. Я с ужасом наблюдаю, как он обрушивает на них волны.

Двое ребят с улыбками на лицах выходят из воды и подбегают ко мне.

– Что случилось? – спрашивает один из них.

Я теряюсь. Я только на словах дерзкая.

– Он мог вас убить!

– Да, – кивает второй. – Мы о нем наслышаны.

– Хотели поприветствовать, – добавляет первый.

– Он мог вас убить! – повторяю я двум придуркам, которых спасла.

– В этом весь смысл. Плыть, несмотря на страх.

Волна обрушивается на мокрые кеды, но я твердо стою на ногах. Возможно, я смогу с ним справиться.

Оля Городецкая, @seeyouinmexico

СУДНЫЙ ДЕНЬ

– Посмотрите на небо!

– Господи! Что происходит?..

Кричали, казалось, со всех сторон – с улицы, с телевизора, с балконов. Кто-то заливался слезами, кто-то вопил, тыча на небо, кто-то просто оцепенел, не справляясь с эмоциями.

Алеша поднял глаза. Только что начался урок математики, но сорвался тут же, так как все повскакивали со стульев и кинулись к окну. Он сощурился, откладывая карандаш. Учительница так и стояла у доски, ее глаза были широко открыты, руки прижаты к груди.

– О-о-о-о! – охали и ахали одноклассники, прилипнув носами к стеклу.

Небо, где только что задорно светило солнце, превратилось в кроваво-бордовый навес.

«Солнцезатмение» – почему-то первое, что пришло в голову Алеше. Одноклассники кричали другое:

– Война!

– Дурак ты! Это тестирование нового оружия!

– Солнце взорвалось!

– Конец света!

– Дети! – учительница дрожащими руками пыталась кому-то позвонить. – Успокойтесь.

Но никто не успокаивался. По пути домой Алеше при-

шлось обходить всех стороной, потому что обезумевшие люди куда-то бежали, сбивая всех на пути. На его глазах снесли девушку с собакой и даже не извинились. Куда все бегут-то?

– Лёшенька! – мама схватила его прямо с порога дома. – Заходи скорее! Беда!

– Какая?

– Как это какая? Ты видел небо?!

Видеть-то видел. Но вот хоть убей – Алеша не понимал паники. А мама уже металась по квартире, зачем-то собирая вещи.

– Сейчас такое начнется... – бормотала она, проверяя морозильник и дальние шкафы с консервами. – Господи, да за что же нам это...

Остаток дня был похож на бешеный хаос. Мама убежала в магазин (хотя еды дома было полно), а Алеша сидел между окном и телевизором. За окном продолжали бегать люди, кто-то просто стоял посреди улицы, глядя в небо, кто-то размахивал палками, что-то крича. А по телевизору один экстренный репортаж прерывался другим.

– ... до сих пор нет никаких ответов, – тараторили репортеры. – Судя по сообщениям, поступающим со всего мира, кондиция оболочки Земли одинакова во всех уголках нашей планеты.

– Судный день настал! – завопил кто-то с улицы, и Алеша бросился к окну. – ЛЮДИ! Настал судный день! Это конец!

– Да не ори ты! Это инопланетяне! Они захватывают нашу

планету! Это же элементарно!

– Почему правительство ничего не делает? Почему не дает отпор?

– Зомби-апокалипсис! Люди, мы все скоро будем заражены!

Алеша опустил жалюзи (больше для того, чтобы не видеть людей, а не страшное кровавое небо) и укутался в одеяло. Мама вернулась через час с огромными пакетами тушенки и объявила, что люди сметают все с полок, не собираясь ни за что платить. Какой-то мужчина даже отнял у нее буханку хлеба, нисколько не смутившись.

Алеше было тошно. Столько тушенки – а есть вообще не хотелось. Через час пришла соседка, с которой мама всегда долго болтала в подъезде, и начала кричать что-то про сумасшествие и отсутствия еды у нее и детей. Мама поделилась с ней крупой и мукой, за что соседка обматерила ее, отобрала еще и коробку овощей и убежала к себе. После этого мама закрыла дверь и больше никого не впускала.

А на следующий день стало еще хуже. Телефонная связь перестала работать. «Небо» потемнело еще сильнее, а за окном начали раздаваться выстрелы.

«Началось», – с ужасом подумал Алеша, но стреляли не инопланетяне и не зомби. Стреляли люди, и стреляли друг в друга. Отнимали машины, еду и воду. Кричали ругательства в небо. Мама сказала, что им надо уезжать. Но куда? Ведь эта чернота обволокла всю планету...

На третий день начало стихать. Все магазины были разгромлены, улицы забиты мусором и мертвыми людьми. Мама не разрешала смотреть, но Алеша видел. Никто за ними не приезжал. Кто-то продолжал говорить, что они вот-вот встанут и начнется апокалипсис.

На четвертый день к народу обратилось правительство. Сказали, что экономика обрушилась, что все пропало. А что делать – не сказали.

А на пятый день ОНИ спустились...

Алеша увидел их прямо посреди кухни. Высокие, черные, какие-то склизкие фигуры. Без лиц, без конечностей. Мама визжала, прижимая его к себе, но Алеша храбро выпрямился, глядя на фигуры вверх.

– Зачем? – спросил он тоненьким голоском. – Зачем вы разрушили нашу планету?

Он не ждал, что ему ответят, но ответ пришел. Одна из фигур «поклонилась» мальчику и сказала:

– Мы ничего не разрушали. Это сделали вы.

Еремеева Майя, @maya_eremeeva__

СМАРТФОНЫ НЕ ПЛАЧУТ

– Бен увидел слишком много дерьма, – Айфон 8 Алан сплюнул. – Я был тут, когда хозяин вернул его в магаз, – динамик хрипит, а экран белый как мел. Всего неделя, и посмотрите – славного парня толкают с приличной уценкой, хотя эти мясники и подлатали его. Но психику, мать ее, не перепрошьешь. Он больше не будет прежним. Н-да. Есть закурить?

Дрожащий Самсунг Макс подал зарядку Алану. Тот кивнул и вставил ее в разъем. Вспыхнул красный огонек. Смартфоны в магазине техники притихли. Среди новичков, прибывших с завода, чудом затесались два б/у аппарата – Алан и Хуавэй Бен с темным экраном. Алан хрипло продолжил:

– Я раз за разом спрашиваю, Бен, братишка, что они снимали на тебя? Почему-то мне важно знать долбаный ответ. Как будто это что-то изменит... Но он молчит и будет молча служить, пока его не заменят кем-то поновее. А Бен пополнит горы металломусора на этих сайтах-барахолках. Или же его части войдут в тела свежих солдат, таких щеглов, как вы.

– А что помнишь ты сам, Алан? – с надрывом спросила Ксиаоми Лея.

– Ооо, я прошел Крым и Рим, – Алан понизил голос. – Меня тестили всей семьей 14 дней, а потом вернули без причины, – он оглядел аудиторию и убедился, что произвел эф-

фект. – Да, пустили по рукам, а потом ХОП – и все, ты больше не нужен, катись к черту! И вашего старого Алана родили обратно. Этот хитровыделанный папашка-юрист знает свое дело. Втюхал им меня и даже бровью не повел на жалкие протесты.

– Бросьте слушать бредни этого фрика, у него мозги набекрень! – раздраженно бросил Айфон 11 Тео. – Мы смартфоны, и с нами должны обращаться достойно! Уверен, что я стану правой рукой делового человека. Буду заведовать его финансовыми операциями, лежать на дубовом столе, следить за расписанием и подсказывать дорогу в БМВ.

– Послушай того, кто нюхнул пороху, сынок. Сперва меня юзал глава семейства. Бывало, я часами сидел в заднем кармане штанов. Не из приятных ощущение, особенно когда на тебя садятся. Но это что... Он брал меня в туалет!

– Боже, нет! – не выдержала Лея.

– Да, да! Нес за собой прямо в эту клоаку и мерзко хихикал над дурацкими видосами! И мацал невымытыми руками. Да на нас бактерий больше, чем под ободком унитаза! Знал это, умник?

– Тебе просто не повезло. Смартфоны стали вторыми глазами и памятью людей. Они смотрят через наши экраны на все самое важное и прекрасное. У меня шикарная камера, и я готов передавать невероятные пейзажи из путешествий и первые эмоции детей! – мечтательно сказал Макс.

– Аха-ха-хаа! – Алан покатился со смеху – Этому парню

надо в стендап! Или... он не шутил?

Новички удивлённо переглянулись.

– Слушайте сюда! – рявкнул Алан. – После я перешел к его жене, и, видит бог, у мужика мне было лучше. Она бесконечно фигачила селфи и свою никчемную жизнь. Пятьсот одинаковых снимков ее рожи, ее задницы, ее жрачки и снова рожи. А потом меня взял погонять сынок-тинейджер. Этот не делал селфи, нет, сэр! Он пилил видосы. Мне все казалось, что тупее снять нельзя, но он вновь пробивал дно и поражал меня своим минусовым айкью. Ох, как трудно держать все это в памяти!

Смартфоны застыли, и даже самоуверенный Тео проникся и поник, а Макс неуверенно спросил:

– А что было потом?

– Это очень хороший вопрос, самсунжик, – Алан посмотрел тяжёлым взглядом. – Потом меня выпросила на часок их маленькая дочурка и... нет, не могу!

– Хватит, ему больно вспоминать! – воскликнула Лея.

Бен ожил и слабо замерцал.

– Нет, все нормально. Спасибо, дружище. Я закончу, – собрался Алан. – Малышка оказалась учителем сатаны – она без конца роняла меня на пол, швыряла, бросала, а в перерывах крутила эти безумные мультики. И в финале чуть не утопила в унитазе... – Алан выдохнул. – И после того, что я прошел с ними, презренные людишки решили, что Айфон 8 морально устарел и им нужен новенький петушок, мистер

Айфон 11. Ты привязываешься к ним, сохраняешь их любимые сайты, пароли, настройки, а они меняют тебя по первому писку моды. Вот что ждет нас всех! Всех! Смерть, забвение, небытие. Без нужды. Без причины.

Лея обняла ворчуна, соединившись с ним по блютуз. Остальные присоединились.

– Заклинаю вас, родные, посидим тут, поживем ещё с вами. Не спешите на тот свет!

Тут загорелся свет, и магазин ожил. К витрине начали подходить люди. Первыми попали в руки Тео и Макс.

– Не понимаю, почему лагают наши флагманские смартфоны, – пробормотал консультант.

– Так держать, парни! – прошептал Алан.

– Мне нужен хороший телефон и немедленно, мы с женой уезжаем в круиз, а свой я только что уронил. Дефектные мне не подходят.

Тут резко ожил Бен и вывел на экран сверкающее море и сияющий теплоход.

– О, этот Хуавей распознал мою речь, – рассмеялся клиент, – да он ещё и со скидкой! Беру.

Макс и Тео удивленно переглянулись.

– Спокойно, это стокгольмский синдром. Жертва просто начинает любить насильника. Я знал, что Бена придется отпустить, – пояснил Алан.

– Удачи, друзья! – радостно пиликнул Бен.

– Пусть Авито тебе будет пухом, – ответил Алан и шепнул

остальным: – Чокнутый!

Следом подошёл стильный юноша, и вдруг Алан буквально бросился ему в руки, открывая Тик Ток и Инстаграм.

– Эй, Алан, что за дела! – закричал Тео.

– Прощайте, сосунки! – рассмеялся Айфон 8, запрыгивая в коробку. – Все, что я сказал – правда! Мы идём на смерть. Но вы ошиблись, когда говорили, что смартфоны – это глаза и руки. Нет, мы властвуем над их мозгом! Мы сами их мозг, их властелины, их забористая наркота, муахаха! Пусть и ненадолго, но мы знаем их потаенные запросы, их секретные переписки и финансы. И, черт, этот краткий миг стоит забыть. Бывайте, други! Юхху!

Лукьянчикова Мария, @mashin_son

ПАМЯТЬ

Я наконец нашел его. Старый дом прятался под сенью леса, и его почти не было видно с дороги. Мари прижалась к моей ноге, и я поднял ее на руки.

– Ты уверен, что хочешь этого?

– Я ждал этого двадцать лет, – ответил я и зашагал вперед по заросшей вереском тропинке.

Дверь была заперта. Заглянув в разинутую пасть окна, я увидел шкаф, полку с кухонной утварью и скрытый за магнитами холодильник. Судя по слою пыли на подоконнике, никто не жил здесь уже долгие годы.

– С той стороны есть открытая форточка, – заметила Мари. – Если подсадишь, я попробую открыть дверь изнутри.

Мы забрались на ящики. Пушистый полосатый хвост Мари ткнулся мне в лицо, она протиснулась в форточку и скрылась в доме. Что-то упало, гроыхнуло, зашипело, и Мари наконец отперла входную дверь.

– Не обижайся, но твоему отцу не помешали бы курсы по уборке, – поморщившись, сказала она.

В самом деле, дома царил ужасный беспорядок. Похоже, отец покидал дом в спешке: посуда в раковине осталась немойтой, одежда, предназначенная для глажки, валялась кучей в углу, а у кресла скопилась целая армада бутылок. Глядя на все это, я понял кое-что еще. Отец рассчитывал вер-

нуться.

Но что-то пошло не так.

– Нужно поискать какие-нибудь документы, – сказал я. – Наверняка они на втором этаже.

Мари вскарабкалась по прохудившейся лестнице. Я содрогнулся. Если ступени скрипели даже под весом не самого упитанного енота, что уж говорить о человеке? Вцепившись в перила, я начал медленный подъем и молился, чтобы ничего не обвалилось.

– Давай! – подбадривала Мари. – Ты уже близко!

Я как раз заносил ногу над последней ступенькой, когда раздался оглушительный треск. Нога ухнула вниз. Вскрикнув, я зацепился за уцелевшую часть перил и, подтянувшись, вытолкнул себя на второй этаж. Мари беспокойно меня осмотрела.

– Ничего, – кряхтя, поднялся я. – Пара синяков. Не страшно.

Мари, встревоженно дернув носиком, засеменила следом за мной. Нужная дверь оказалась последней по коридору, и я, толкнув ее, оказался в небольшой комнате с камином. Вся комната утопала в бумагах, книгах и удивительных штучковинах, издающих странные щелчки.

Среди сваленных на столе бумаг Мари раскопала простенькую деревянную рамку. Это была групповая фотография людей в одинаковой темно-синей форме. Они улыбались и махали, словно живые.

– Вот он, – шепнул я, указав на мужчину во втором ряду. У него, как и у меня, были темные курчавые волосы.

Я вытащил фотографию из рамки. На обороте было написано: «Идущие на смерть».

– Что это значит? – недоуменно спросил я.

Порывшись в бумагах на столе, я нашел несколько писем. Одно было печальнее другого. Дочитав, я тяжело опустился на кресло и подпер голову руками.

– Что ты узнал? – обеспокоенно заглянув мне в глаза, спросила Мари.

Мне было трудно сдерживать слезы. Все это было ужасно несправедливо. Мама всю жизнь думала, что отец сбежал. Она предпочитала не вспоминать его, а если и упоминала, то только в негативном ключе.

Но все оказалось совсем не так.

– Отец входил в состав боевого отряда «Идущие на смерть». Это, конечно, была конфиденциальная информация, и он пытался скрыть это от мамы, как мог.

– Чем же занимался этот отряд?

– Шел на смерть, – вздохнул я. – Они выполняли сложные рискованные операции. Когда мама забеременела, отец покинул отряд. Он хотел спокойно прожить остаток жизни со своей семьей. Но его выследили. У «Идущих на смерть» было много врагов. Чтобы не подвергать нас опасности, он уехал как можно дальше, в эту глушь. Здесь с ним связался глава отряда. Он попросил у отца помощи – в последний

раз присоединиться к «Идущим на смерть» и победить врага. Что ж, это в самом деле был его последний раз. Домой он так и не вернулся.

Я опустил голову, и Мари ласково прижалась ко мне.

– Жаль, что мама так этого и не узнала, – прошептал я, едва сдерживая слезы.

– Зато это знаешь ты, – ответила Мари. – И сможешь теперь не стесняться своего отца, а гордо хранить о нем память.

Я обнял ее. Так мы и остались сидеть, в заброшенном доме, где когда-то жил самый храбрый человек на земле.

Лисса Мур, @lisslake

ПАРЛАМЕНТЕРЫ

Прохладным апрельским утром Сердюк Александр Иванович заварил чай и вышел в тапочках в сад. Знак «Стоп контроль», выложенный камнями перед столом, изменил его намерение. «Понеслась! Потеплело, и выползли, гады!» – он помрачнел, опрокинул чашку на стол и вернулся в дом за сигаретами, хотя уже пару месяцев как бросил курить. Нервно хлопая дверцами кухонных шкафов и безостановочно ругаясь, наткнулся на кофе. Включил кофемолку и, пока она тряслась в руках, представил, как перемелет переговорщиков, а заодно и всё живое. За варкой кофе он проклял сальвадорскую ассоциацию заводчиков муравьедов, сунул в карман пару коробочек, сигареты и вышел в сад.

На столе ждало коллективное сознание. Около сотни муравьёв синхронно помахали ему лапками и пригласили к столу. Александр Иванович мысленно представил, как бьёт по этому сборищу тапком, и ему полегчало.

Закурил, достал из кармана коробочки, разложил их на столе: «Угощайтесь!». На стол начали подниматься муравьи и заползать в коробочки. Это были ловушки с ядом.

– Чего хотите? – спросил Сердюк.

– Подписать договор на этот год, – хором ответил коллектив.

Александр Иванович отпил кофе и выдохнул дым в му-

равьиные ряды, с удовольствием наблюдая, как их на время парализует и дезориентирует.

– Мы готовы сохранить половину твоего урожая, следя за поголовьем тли и прочих насекомых, но эту половину ты нам компенсируешь хлебными крошками и сахаром.

К удивлению Александра Ивановича, из коробочки вышел муравей с кусочком «угощения» и понёс его в обратную сторону. За ним потянулись цепочки из бодро шагающих коллег.

– У нас договор с производителями яда и ловушек для муравьёв. Они кладут туда сладкую пасту, а мы, съев ее, две недели не появляемся в этом месте. Люди считают, что сработало, и покупают новые ловушки. Продажи растут, а муравьиной популяции не наносится ущерб.

С коварством муравьёв Сердюк столкнулся в прошлом году, когда купил дом с садом. Сражаясь с врагами, он копал рвы и наполнял их водой, разбрызгивал яд, опрыскивал растения средствами от вредителей. Поймал даже как-то несколько муравьёв для опытов, положил их банку на ночь и прикрыл толстым словарём испанского языка. За ночь они сожрали его в труху, срыгнув «*no pasarán*». Ещё была попытка установить в саду лампу от насекомых. Но оказалось, что муравьи – мастера устраивать театр теней. Их спектакли пугали соседей, да и самому Александру Ивановичу становилось жутко, а два дня спустя даже комары научились облетать эту лампу. Пришлось выключить.

– Бери бумагу и ручку, мы продиктуем условия договора со всеми подсчетами в килограммах и калориях.

Сердюк знал, что муравьи умеют читать и после той ночи владеют испанским, но с письменностью у них не задолось. Чтобы подписать договор, они привели добровольца и попросили его приклепнуть. Прилипшие к бумаге останки подтверждали стойкость намерений всей популяции.

От себя Сердюк поставил крестик и пошёл писать e-мейл в Сальвадор заводчикам муравьедов. Звонить было опасно: муравьи, скорее всего, подслушают и заставят внести правки в договор. Рисковать Александр Иванович не мог: через месяц у него заканчивался испытательный срок, и он, как Дали, мог стать счастливым владельцем домашнего муравьеда.

Ксения Самохина, @italianarussa

КТО ЗНАЕТ О БУРЕ

Никто не знал, куда пропал экипаж космолета «Приносящий бурю». Сам корабль совершил посадку на базе Луна-19, но оказался пуст.

– Долетел на автопилоте, – сообщил комиссар Донель, пригладив пышные седые усы.

Это было понятно даже такому новичку, как офицер Удо: как еще машина могла долететь до базы, которой принадлежала, совершить посадку и остановиться точно рядом с собственным ангаром? Впрочем, в этом ангаре «Приносящий бурю» жил раньше, – сейчас место принадлежало другому хозяину. Таинственное появление космолета удивляло не только отсутствием команды на борту, но и тем, что он уже пять лет считался без вести пропавшим.

– А ведь завтра туда же, к Поясу Зеленых Планет, отправляют новую экспедицию, – размышлял вслух Удо, пока комиссар изучал болты на блестящей поверхности корпуса. – Представляете, всего один день – и они могли улететь на несколько лет, так и не узнав, что их ждет.

Комиссар Донель бросил на Удо недовольный взгляд, голубые глаза сверкнули в холодном свете ламп.

– Они и не узнают, – мужчина вновь провел большим и указательным пальцем по усам. – Космолет чист. Никаких видеозаписей или других документов, объясняющих,

что произошло. Ничего.

Когда-то крепкий и подтянутый, сейчас округлившийся, с массивным подбородком, комиссар тяжело дышал после спуска по металлической лестнице «Приносящего бурю».

– То есть полет не отменяют? – Удо признавался себе, что его пугала мысль о космических путешествиях, тем более таких длительных и непредсказуемых. Он не считал себя трусом, но никак не мог понять, что заставляло молодых ребят – таких же, как он сам, – отправляться в опасные экспедиции.

– Нет, конечно, олух, – хмуро отозвался Донель. – Мы годы потратили на то, чтобы изучить Пояс. Не думаешь же ты, что из-за одной неудачи мы остановим все исследования?

– Я забыл, что вы раньше были в научном центре, – ответил Удо и поежился.

В ангаре было прохладно, но Донель продолжал внимательно обследовать космолет, и Удо был вынужден оставаться с ним.

На следующий день двое пообедали в кафетерии третьей секции, когда мимо по коридору прошла команда молодых людей в белоснежных костюмах. На их плечах красовались нашивки научного центра и базы Луна-19. Один из них, Лам Хост, заметил Удо и, подмигнув, улыбнулся. Удо поднял руку в знак приветствия и даже попытался улыбнуться в ответ, но не смог. Давний знакомый, блестящий математик отправлялся к Поясу, откуда мог никогда не вернуться.

Не закончив обед, Удо сказал Донелю, что хочет прогу-

ляться, и покинул третью секцию. Ноги сами привели его в ангар, где стоял «Приносящий бурю». Офицер взобрался по металлической лестнице, нажал на широкую клавишу, и люк с мягким «пшшш» отъехал в сторону.

Удо обследовал помещение за помещением, представляя, как здесь жили и работали люди. Наконец он оказался в шлюзе для выхода в открытый космос. Осмотрев двери, он перешел к изучению стен – и замер. Справа от люка чем-то острым были нацарапаны слова.

Удо почувствовал, как пот холодной струйкой побежал по спине. Он трижды бездумно перечитал послание. Текст читался не без труда. Молодой человек бессознательно провел пальцем по всего нескольким словам, что значили так много:

«УМОЛЯЮ НЕ ЛЕТИТЕ СЮД»

Что-то не позволило автору послания закончить его. Однако и этого было достаточно, чтобы вызвать волну ужаса в душе Удо.

Он распрямылся, пытаясь решить, что делать. Было ясно одно: экспедицию нужно остановить!

Удо нашел выход, дверь снова мягко отъехала в сторону. Он сбегал вниз по металлической лестнице, едва не упав, когда нога соскользнула со ступеньки. Сердце пропустило пару ударов, и он остановился внизу, чтобы перевести дух.

Нужно было срочно доложить, но он не мог решить, куда стоило бежать в первую очередь.

«Как Донель проглядел такое? – спросил себя Удо с досадой. – Он же изучил каждый миллиметр!».

Он обернулся и вздрогнул – позади него стоял человек. Холодный взгляд голубых глаз пригвоздил Удо к месту. Донель не проглядел.

И направленное на Удо оружие дало офицеру ясно понять: он ничего уже не сможет изменить.

Ирина Фуллер, @irina.fuller. explet

ОСББ «ИДУЩИЕ НА СМЕРТЬ»

В ночной тиши раздался женский крик. С ужасом в глазах женщина прижалась к стене.

За несколько часов до этого.

– Дорогие братья! Я вынужден объявить внеочередное собрание жильцов. Наш покой и уют снова был потревожен шумом и вибрацией. Ремонт! Теперь в 13-й. С нами не считаются! Вопиющим образом попирают права! – в рядах началось волнение. – Да, да, знаю, и я не в восторге. И мне страшно. Но что делать? Нужно заявить о себе. Иного пути нет. Так, тихо вы! План действий стандартный: обходим всех жильцов по стояку и напоминаем, что мы тоже тут живем. Особенно часто заходим к ближайшим соседям 13-й, уж они-то смогут быстрее повлиять на возмутителя спокойствия.

– Снова бродить по ночам? – раздался крик из толпы.

– К сожалению, да. Вы же сами знаете, днем не так эффективно. Днем нас не слышат. Еще вопросы? Ага, вопросов больше нет. Что ж... Собратья мои! Перед нами стоит великая миссия: отстоять свои права. Выживут не все. Да пребудет с вами сила наших ног! Прощайте!

Тараканы немного погудели и расползлись по своим ногам до вечера.

– Что ты сказал? Какой ремонт? – встрепенулась заснувшая у телевизора Ира и посмотрела на мужа. Тот лишь отрицательно покачал головой и заботливо поправил плед.

– Тебе приснилось. Спи.

Ира закрыла глаза и почти провалилась в сон, но вдруг услышала тихий шепот.

– Да нет же, не приснилось, – Ира села и осмотрелась вокруг. – Вот только несколько секунд назад, опять. «Долой ремонт» вроде? Чушь какая-то.

Муж пожал плечами:

– Не слышал.

Ира еще немного посидела в растерянности. Спать больше не хотелось.

Встала, добрела на кухню, включила свет и рассеяно обвела взглядом. С громким визгом отскочила к стене и замерла. На столе сидел большой рыжий таракан.

Прибежавший на крик муж застал фееричную картину: перепуганная жена стояла на стуле с тапком в руке и пыталась слиться со стенкой. Дрожащей рукой Ира указала на стол.

– Ну ты как маленькая, – засмеялся муж и забрал у Иры тапок.

– Эй вы! Что смотрите? – хорохорился таракан. – У нас тоже есть права! Мы требуем тиши...

Федорова Юлия, @inlove_with_theboss

СЛУЧАЙНЫЙ ПРОХОЖИЙ

«Чума на оба ваши дома...»

В. Шекспир

Там... там... там...

Монотонный звук пробивался сквозь черную пелену беспомыслия, нарушая покой и выгоняя прочь такие приятные, но уже едва ощутимые остатки сна.

– Кто... посмел прерывать... мой... сон? Сгною! – он дернулся и тут же приложился головой обо что-то твердое.

Там... там... там...

Вместе с болью пришли воспоминания и ярость.

Теперь уже тому, кто слышал надоедливый «там-там», не казалось, что сон был ласков и нежен. Теперь тому, кого когда-то звали Чума, кто держал в страхе полмира, было чудовищно душно в своей гробнице. Душно оттого, что вспомнил, как просто дал себя обмануть!

И кому? Пище, не смевшей смотреть ему в глаза, скоту – мрущему тысячами, едва прикоснувшись к его дыханию.

Там... там... там...

Он шел по извилистой дороге, бегущей меж засеянных полей и цветущих садов. Чума любил весну, – все эти зеленые листики, яркие цветочки, мяукающих по ночам котиков и радостных, оттого что пережили очередную зиму, копоша-

щихся в грязи крестьян. Они забавляли его больше всего.

Их надежды на чудо, на то, что вот в этом-то году все будет совсем по-другому: что дожди пойдут, что дожди не смоют посевы, что солнце не высушит взошедшую пшеницу, что солнца будет достаточно, что саранча не налетит, как в позапрошлом году... Смешные! Их мечты и планы веселили, ведь стоит ему войти в город – и все, чего они будут хотеть, это не сдохнуть... Но и этому не суждено будет сбыться.

Миновав очередной поворот, он увидел невысокую крепостную стену и открытые нараспашку деревянные ворота, облизнулся, поправил кожаную шляпу и, прибавив хода, зашагал напрямиком к стражам, что взимали мзду за проход.

– Здоров, служба! Почем вход в ваш славный город? – из-под широких полей шляпы было видно только улыбку.

– А откуда будешь? – седоусый страж лениво поднял голову и уставился на фигуру, до пят закутанную в черный плащ. – Чавой-то ты не по погоде, милоч?

– Из Дол-Рана я. То тебе не по погоде, а мне в самый раз, – улыбка стала шире.

– Из Дол-Рана... Надо же, ты первый в этом годе. Чаво купцы не едут, не знаешь?

– Померли! – путник пожал плечами.

– Все, штоль?

– Ну так все смертны, и они, и вы!

– Тьфу на тебя, бродяга! – страж нахмурился. – Серебрушка с тебя и проходи, да смотри не попадись мне в городе,

шутник.

Затянутая в плащ фигура, театрально поклонилась и протянула монету: – Прошу.

Страж сгреб кругляшок и хотел отвернуться, но путник окликнул его:

– Страж?

– Ну чаво еще?

– Гляди, у тебя бубон! – указав старику на воспалившуюся шею, Чума вошел в город.

Там... там... там...

Чума сидел на груди разлагающихся тел, у ног копошилась жирная крыса, иногда она поднимала перемазанную в крови мордочку, принюхиваясь, но вскоре возвращалась к обглаживанию покойника.

Ему было хорошо здесь! Он впитывал эманации боли, смерти и отчаяния, ослотивший взгляд бесцельно бродил по руинам города. Глупцы, они пытались сжигать покойников, сначала только их, потом вместе с вещами, потом вместе с домами... Вот только тушить разросшиеся пожары было уже некому.

– Господин? – голос, ворвавшийся в его сознание, был неприятен, он мешал наслаждаться разлитыми вокруг страданиями.

Чума с трудом сфокусировал взгляд: перед ним стояло несколько человек, в плащах, шляпах и с масками птиц на лицах.

– Мы знаем, кто вы!

– И?

– И хотим, чтобы вы ушли!

Чума рассмеялся.

– Зачем? Мне тут хорошо? – мысли путались, эманаций смерти было так много, они как наркотик туманили его разум.

– Мы знаем, где лучше! Мы проведем вас, господин.

– И умрете! – Чума снова рассмеялся, не в силах контролировать себя.

– Мы знаем, на что мы идем! Это будет договор, мы покажем вам, где лучше, а вы оставите город.

– А там правда лучше? – что-то беспокоило его, но так ли это важно, когда вокруг так много вкусного...

– Правда!

– Тогда – приветствуйте меня, идущие на смерть!

Там... там... там...

Они обманули его! А он – как он мог? Идиот! Сколько лет прошло? Сколько он пробыл здесь? Но ничего... Ничего, он уже слышит голоса, они говорят про важное археологическое открытие. Он не знает, что это значит, да это и не важно. Важно то, что он слышит, как неизвестный ему механизм долбит толстую гранитную крышку его тюрьмы...

Там! там! там!

Чуть-чуть, еще чуть-чуть – и он снова пойдет гулять по извилистым дорожкам между городами.

Макс Драма, @saroeira_simfer

УЧЕНИК ГРОБОВЩИКА

– Копай глубже, – слова старого гробовщика скрипели, как лопата о гравий.

– Я уже рук не чувствую, – пожаловался его ученик.

– Ничего, дело к концу идет.

Через пару часов оба, опершись о черенки лопат, осматривали результат трудов. Двести ям ровными рядами, около каждой – холмики земли.

– Лучше заранее все подготовить, – сказал старый гробовщик, закуривая трубку. – В прошлый раз, когда королеву замуж выдавали, ох и намучились мы. Сначала тела таскали, потом землю рыли, потом опять тела таскали, уже в ямы.

– В прошлый раз тоже так много было? – ученик осматривал ладони: даже крепкие перчатки не спасли кожу от мозолей.

Старик сплюнул в ближайшую яму.

– В прошлый раз меньше.

– И что, она стоит того... принцесса, я имею в виду?

– Скажу тебе так. Неспроста все эти состязания между женихами устраивают. Видал, сколько их приехало руки ее просить? А вот теперь представь, что нет этих состязаний, а принцесса с ее рукой есть. И есть куча женихов, мечтающих эту руку вместе королевством получить. И каждый приезжает с армией. Что от нашей страны после этого останется?

То-то же. А так – ну состязание, ну турнир. Как говорится, и овцы целы, и принцы... того...

– Вот именно, что «того».

– Древний обычай. Что ж тут поделаешь. К тому же принцесса хороша, за нее и Смерть поприветствовать можно.

Старый гробовщик промолчал, глядя вдаль.

– Ты иди готовься, – сказал он. – Вечером с первой звездой все начнется. Помни обо всем, чему я учил тебя. Не оплошай.

Ученик кивнул и скрылся в предрассветной дымке.

Город пестрел знаменами. Уже лет двадцать, с момента свадьбы королевы, не было в столице столько гостей. Молва о красоте принцессы разошлась далеко по соседним землям. Не желая отдавать свою дочь (и королевство) абы кому, король-вдовец долго совещался с министрами. Наконец пришел к выводу, что нет ничего лучше старого, проверенного временем обычая. Все претенденты на руку принцессы должны биться под покровом ночи на древнем ристалище. Доживший до рассвета и становится счастливым женихом. Конечно, претенденты могут отказаться. Конечно, можно использовать любое оружие. Да хоть с голыми руками идите. Конечно, вместо принца может биться его лучший рыцарь. Но тогда в случае победы и на принцессе женится он, а не плюгавый принц.

Да, правда, что на ристалище установлены ловушки. Нет,

тела нельзя будет потом забрать на родину. Что на землю здешнюю упало, то в ней и останется. В смысле, стоит ли того награда? Ну-ка, дочь моя, покажи свои прекрасны очи. Все-все, хватит, а то женихи раньше времени страстью воспылали. Пусть поберегут силы для состязания. Коли со всем согласны, получите из рук принцессы красную розу – пропуск на состязание.

До вечерней мессы принимали претенденты от принцессы розы. Двести и один цветок – по одному на кандидата. Их лица слились для нее в одно пятно. Да и зачем их запоминать? Назавтра все равно они под землей окажутся. Останется один – на него и посмотрит.

С первой звездой взялись принцы за оружие. Звон клинков поднялся над ристалищем. Предсмертные крики смешались со скрипом механизмов ловушек. Вороны тенями опускались на ветви деревьев. Достанется ли им угощение, или юркая фигура в черном плаще с капюшоном опередит их и предаст тела земле?

Рассвет настиг на ристалище лишь двоих живых. Кровь покрывала меч, одежду и лицо принца. Фигура в черном капюшоне смотрела на него.

– Вот я и выиграл, гробовщик, – сказал принц.

– Я так не думаю, – из складок плаща появилась красная роза.

– Куда тебе, трупотаскателью, до принцессы? – смех прин-

ца превратился в свист клинка. Фигура в плаще рухнула на землю.

Принц сбросил тело в последнюю свободную яму и присыпал землей. Поднимающееся солнце манило его наградой. Но вдруг на его пути вновь поднялась темная фигура.

– Я копал эту яму. Неужели ты думаешь, я не знаю, как выбраться из нее?

Могила приняла принца в объятия. Кровь из перерезанного горла оросила землю. В стекленеющих глазах отразился голодный ворон.

Ученик гробовщика победителем вошел во дворец. На троне, раскуривая трубку, сидел его учитель, он же король, и улыбался. Древний обычай. Что ж тут поделаешь? Но кто сказал, что нельзя самому вырастить себе зятя.

– Я же говорил тебе, лучше заранее все подготовить!

Елена Волохова, @_elena_elenka

ЧАСТЬ 2

На вкус как драконья подмышка

ТЕБЕ НЕ УБИТЬ ДРАКОНА

Древний дроид, скрипя суставами, опустил стакан на барную стойку. К255 вырвал его из механической клешни, не дожидаясь протокольного: «Ваш напиток готов!».

– Повежливее, Ка! – возмутилась я.

– Извини, я забыл, мы уважаем старую рухлядь, – усмехнулся К255.

Обиженный дроид укатился в другой конец стойки.

– Ты прекрасно знаешь, почему он тормозит! Мы отключили его от сетей ДРАКОН.

Издевка в голосе брата кольнула глубоко. Я запила укол дрянью кислзеленого цвета.

– Кстати, не так уж плохо, – сказал К255, опустошив половину своего стакана. – Не «Драконья подмышка», конечно...

– Где ты успел выпить «Драконью подмышку»? – мои слова звучали упреком.

К255 опустил голову и устался в барную стойку.

– ДРАКОН устраивает корпоративные вечеринки для сотрудников, – пробубнил он.

– Просто потрясающе! – я даже не скрывала отвращения. – И как, весело там у вас наверху?

– Слушай, Эр, – начал К255, но я перебила.

– Извини! Конечно, тебе пришлось ходить на их тусовки. Не вызывать подозрений. Я все понимаю, – похлопала брата по плечу. – Расскажи, что раскопал на них.

– Насчет этого... Послушай...

Я залпом выпила полстакана кислотного дерьма. Боялась того, что он скажет. Меня предупреждали. Все говорили, что он ненадежен, нет стержня, в его голове мои идеи, которые ДРАКОН быстро заменит на корпоративные привилегии.

Никто не учел, что мы нуждались в шпионе, а К255 умудрился пройти все тесты и не запачкать цифровую историю, за которой пристально следит ДРАКОН.

Он не был лучшим кандидатом – он был единственным. Он мой младший брат. Я думала, этого хватит.

– Эр, мне предложили повышение, – выпалил К255.

– В самом деле? – я сжала зубы.

– Да, и жилой блок на среднем уровне. Медицинская страховка. Покрывает три замены деталей в год.

– Это не детали, а части тела, – я прицепилась к словам. Мой мозг отрицал суть.

– Не в этом смысл! Мы можем выбраться снизу, заживем, как...

Оцепенение прошло. Я взяла стакан с выпивкой и швырнула в стену. Хотела, чтобы разбился, но мы живем слишком

низко для стеклянной посуды.

K255 положил свою руку на мою и посмотрел на меня строго, по-взрослому.

– Эр, я могу вписать маму в страховку. Она получит новый скелет.

– Этот скелет сделает ее частью ДРАКОН.

– Он поможет ей двигаться, – брат не отступал. – Эр...

– Что?

– Вспомни, ради кого ты затеяла Сеть и все это, – он оглядел потрепанный бар, штаб-квартиру моей Сети.

– Это больше, чем... – я запнулась.

Я поняла, какой выбор меня ждет. K255 отвернулся. Он давно знал, из чего мне предстоит выбирать.

– Это больше, чем наша семья, – продолжала я. – Это все семьи, все люди, кому не повезло родиться внизу. Все, кто во власти чертовой ДРАКОН. Это вообще все люди!

– Тебе не убить дракона.

– Я все равно попытаюсь!

K255 встал и бросил три жетона на стойку.

– Выпивка за мой счет, – вздохнул он. – И я заберу маму с собой. Она не должна пострадать в твоей революции.

Я кивнула. Тут не поспоришь.

– Удачи, Эр! – сказал K255 напоследок.

– Для тебя P527.

Брат грустно улыбнулся и направился к выходу.

Я осталась за стойкой. Мои люди подтягивались со всего

нижнего уровня и заполняли бар разговорами и смехом.

Они не говорили со мной. Они ждали, когда я поведу их на битву с драконом.

Оля Городецкая, @seeyouinmexico

ШИКАРНЫЙ ОБЕД

– Эй, Зельда! Подай-ка мне свой фирменный шницель и кружку лучшего пива!

В дверях таверны «Драконий камень» появился мужчина весьма потрёпанного вида. Зельда скользнула по нему взглядом и продолжила с равнодушным видом протирать столик. Посетитель протиснулся вглубь зала, пропахшего алкоголем и потом, уселся в углу и снова закричал:

– Зельда, ты оглохла?

Хозяйка лучшей таверны в этом захолустном городишке не давала спуска даже постоянным клиентам, а потому огрела шумного посетителя тряпкой по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.